

П.Г. Кичеев

Из недавней старины

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П11

П11 **П.Г. Кичеев**
Из недавней старины / П.Г. Кичеев – М.: Книга по Требованию, 2015. –
198 с.

ISBN 978-5-518-08920-4

Пётр Григорьевич Кичеев (27 декабря 1804 (8 января 1805), Москва — не ранее 24 февраля (8 марта) 1875) — русский мемуарист, автор статей на исторические темы.

Сын учителя словесности в доме графа Мамонова. В молодости принадлежал к масонам. Издал отдельными книгами: «Воспоминания о пребывании неприятеля в Москве в 1812 г.» (М., 1859), «Из недавней старины» (М., 1870) и написал ряд статей и воспоминаний: «Салтычиха» («Русский Архив», 1865); «Еще несколько слов об Е. А. Баратынском» (там же, 1866) и др.

ISBN 978-5-518-08920-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПРЕБЫВАНІИ НЕПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ

въ 1812 году.

I.

Передъ Французами; вступленіе ихъ въ Москву; попытка наша уѣхать: начало пожара; первая при Французахъ ночь.

.... Мы жили въ Грузинахъ, близъ Прѣсенскаго верхняго пруда и церкви Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія. Домъ матери моей и дѣда (отца ея) Я. А. Сумбула, находились рядомъ; но мы жили вмѣстѣ съ дѣдомъ въ его домъ, а домъ матери отдавался въ наймы; оба дома были одной архитектуры, не затѣливой, но довольно помѣстительные, и раздѣлялись на двѣ неравныя половины, съ тою разницею, что домъ матери былъ съ мезониномъ. Крыльца (у дѣдовскаго дома крыльцо было въ видѣ бесѣдки съ порядочную комнату) выходили на лугъ, принадлежавшій Князю Егору Александровичу Грузинскому. Изъ домовъ нашихъ видъ былъ открытый: видна была большая часть верхняго Прѣсенскаго пруда, другая за нимъ сторона,

Камеръ-Коллежскій валъ и вдали роца Ваганьковского кладбища.

Домъ дѣда былъ уже не новый (1), а мать построила свой только въ 1811 году. Я тогда былъ такъ еще молодъ (2), что вовсе почти не обращалъ вниманія на политику и безопасно рѣзвился передъ домами нашими на лугу, на которомъ, вскорѣ послѣ того, во время пребыванія въ Москвѣ Французовъ, разыгрывались такія ужасныя сцены.

Всего больше занимала меня въ то время комета, появившаяся еще за долго до непріятели; а такъ какъ домъ наши стояли на западъ, противъ совершенно открытаго мѣста, то по вечерамъ я всегда любовался ею, какъ необыкновеннымъ и новымъ для меня явленіемъ. Эта комета была замѣчательна по необыкновенно блестящему хвосту, и ее-то Наполеонъ называлъ счастливою своею звѣздой и путеводительницей въ Россію (3).

Однакожь безпрестанные толки и безпокойства домашнихъ и сосѣдей о тогдашнихъ событіяхъ и обстоятельствахъ, извѣстія, которыя появлялись въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ и читались вслухъ дѣду, далѣе афишки Графа Ростопчина и каррикатуры на Французовъ, обратило наконецъ и мое вниманіе на все это. Я сталъ внимательнѣе прислушиваться къ чтенію газетъ и разныхъ извѣстій изъ арміи, и, судя по нимъ, радовался и огорчался; но въ душѣ не было никакого страха, или, думаю, по молодости лѣтъ моихъ, или же, можетъ быть, отъ безусловной увѣренности въ прозорливость главы семейства, отъ души нами любимого

дѣда, замѣнившаго намъ отца, который умеръ, въ Ярославлѣ, еще въ декабрь 1809 года, въ должности Директора училищъ тамошней губерніи. Къ дѣду мы пріѣхали въ январь 1810 года и жили съ нимъ вмѣстѣ до самой его кончины.

Обращаюсь къ 1812 году. Въ концѣ іюля, сосѣди наши, одинъ за другимъ, стали убираться изъ Москвы, звали съ собой дѣда моего, или совѣтовали ѣхать съ семействомъ, куда онъ разсудитъ, но дѣдъ не хотѣлъ никуда ѣхать, не смотря на убѣжденіе къ тому матери моей, всего семейства и друзей. Даже уважаемый имъ Максимъ Ивановичъ Невзоровъ, извѣстный издатель „Журнала для юношества“, другъ отца моего, не могъ ничего тутъ сдѣлать. Дѣдъ вѣрилъ отъ души афишкамъ Графа Растопчина и не допускалъ мысли, чтобы Москву отдали Французамъ.

Но мать предвидѣла это несчастіе ясно послѣ того, какъ всѣ присутственныя мѣста и казенныя заведенія были вывезены изъ столицы. Безпокойство матери умножали еще мы, трое малолѣтнихъ дѣтей ея. Любовь свою къ намъ и къ старику отцу она ни какъ не могла раздѣлить, и хотя оставалась въ Москвѣ, но ужасно страдала. Эти душевные страданія и предчувствіе неминуемаго горя были, вѣроятно, причиною многихъ ея сновъ, въ которыхъ видѣла она какъ бы предвѣщаніе общественнаго бѣдствія. Такъ, разъ, мать моя видитъ сонъ, что она ходитъ по Московскимъ улицамъ, совершенно безлюднымъ, но куда ни войдетъ въ домъ, вездѣ видитъ много народу, занятаго дѣланіемъ кочерегъ и мѣтелъ. Въ другой разъ,

она видитъ, что двѣ большаго размѣра иконы, изъ нашей приходской церкви, одна, представляющая Св. Георгія Побѣдоносца на конѣ и поражающаго копьемъ змія въ зѣвъ, а другая Θεодотьевской Божіей Матери, восхищены на небо, одна противъ другой, по сторонамъ горизонта, къ зениту, и покрыты чернымъ флеромъ; видъ этихъ знакомыхъ ей иконъ возбудилъ въ душѣ ея особенное благоговѣніе, и она молилась предъ ними на колѣняхъ. Наконецъ, третій сонъ представилъ ей единоборство передъ домами нашими, на дугу, между Наполеономъ и Императоромъ Александромъ; единоборство происходило на шпагахъ и, казалось, съ равною силою; но вдругъ Наполеонъ превращается въ какого-то звѣря, и руки его удлинились до огромнаго размѣра. Мать моя ужасно испугалась и проснулась.

Всѣ эти сны видѣла мать моя не задолго до Французовъ; но она основывалась конечно, не на сновидѣніяхъ, а на существенныхъ обстоятельствахъ, убѣждая дѣда ѣхать изъ Москвы; онъ былъ однако непреклоненъ. Обыкновенно онъ указывалъ ей на Растопчинскую афишку, готовясь идти на Поклонную гору, чтобы встрѣтить враговъ отечества и сразиться съ ними, ожидая для этого только рѣшительнаго приглашенія (4).

Помню, что вскорѣ послѣ того, и дня за три, до вступленія Французовъ въ Москву, одинъ сосѣдъ нашъ, старикъ лѣтъ восьмидесяти, Грузинъ, по прозванію Пиранъ, подходилъ къ дому дѣда и вызывалъ его на Поклонную. Пиранъ былъ одѣтъ по дорожному, имѣлъ котомочку за плечами, при саблѣ, а вмѣсто ружья или пика, держалъ обыкновенный посохъ, безъ кото-

раго онъ и ходить, кажется, уже не могъ. Дѣдъ насилу успокоилъ старика и совѣтовалъ подождать рѣшительнаго слова градоначальника, общавшись самъ зайти за нимъ, когда настанетъ время; послѣ того, старикъ, хотя и побрелъ домой, опираясь на посохъ и кашляя, но ворчалъ сквозь оставшіеся еще зубы: „чего тутъ ждать... трусы... право трусы...“ Этотъ упрекъ относился, разумѣется, къ моему дѣду, насколько не виноватому въ грѣхъ, въ которомъ обвинялъ его *храбрый* Пиранъ.

Извѣстно, что духъ патріотизма достигалъ тогда до высочайшей степени: во всѣхъ сословіяхъ, во всѣхъ возрастахъ и полахъ, господствовало воинственное настроеніе. Такъ, помню еще, что, подражая, можетъ быть, дѣду, кухарка наша Анисья, толстая и рябая, но здоровая, также храбрилась и много смѣшила насъ. Когда, бывало, въ шутку ей скажутъ: что ты, Михайловна, станешь дѣлать, если придутъ Французы? то Анисья брала вертелъ и держа его на перевѣсъ, какъ бы ружье со штыкомъ, топнувъ ногой, комически говаривала: „что-о? Французы-ы? а это что! (показывая глазами на вертелъ) вотъ такъ (съ этими словами она проворно взмахивала вертеломъ къверху) и подѣшу, да не одного, а десять Французовъ!“ Разумѣется, фарсы и прибаутки Анисьи были разнообразны. Комическое впечатлѣніе увеличивалось еще отъ костюма Анисьи: она ходила по старинному, въ кофтѣ съ юбкой и въ фартукъ, а на головѣ носила платокъ, иногда же и колпакъ, которыми награждалъ ее дѣдъ, за искусство въ приготовленіи

ему азіатскихъ блюдъ, такъ какъ онъ былъ уроженецъ Апатоліи (5). Подобно тому, и наши дѣтскія игры были подражаніемъ воинскимъ эволюціямъ.

Между тѣмъ, дѣда хотя и не вѣрилъ, чтобы Французы были въ Москвѣ, но ожидалъ подѣ нею большаго сраженія и значительнаго прибытія войскъ; поэтому съ охотой покупалъ у отъѣзжавшихъ сосѣдей хлѣбъ и другіе съѣстные припасы, которые послѣ намъ и другимъ бѣднымъ людямъ очень пригодились; онъ покупалъ и другія вещи, напримѣръ, мебель и, странно! платилъ такія деньги, за которыя и теперь можно имѣть подобныя вещи. Значить, онъ не пользовался обстоятельствами; а то, какое обширное было поле для спекуляцій! Я разумѣю вещи не такъ громадныя; мебель же, я думаю, и даромъ отдавали бы, если бы только находились на нее охотники.

Не задолго уже до Французовъ, наши, на всякій случай, собрали лучшее изъ своего имущества, въ три сундука, и зарыли въ землю; одинъ сундукъ съ иконами въ окладахъ, съ вещами, серебромъ, шубами и сапогами, зарыли въ сѣняхъ, а другіе два, съ платьемъ, бѣльемъ и т. п., въ погребѣ у дѣда въ домѣ; имущество хоронили ночью, тихонько отъ сосѣдей, которые дѣлали, вѣроятно, тоже; всего нельзя было увести, да и не на чемъ.

Такимъ образомъ, время шло, и домашняя жизнь дѣда ни въ чемъ не измѣнилась до перваго сентября, которое пришлось въ Воскресенье (6). Въ этотъ день, послѣ ранняго обѣда, два члена изъ нашего семейства (дядя и старшій братъ мой, отъ перваго брака

отца), обязанные службой, пустились по Владимірской дорогѣ, на Нижній и Казань, пѣшкомъ: лошадей негда было уже достать, ни за какія деньги.

Наконецъ наступилъ страшный день---2-е сентября! Едва ли когда-нибудь понедѣльникъ былъ такимъ тяжелымъ днемъ для Москвы, какъ этотъ. А мы, удаленные отъ центра города, живя въ своихъ домахъ, прилегающихъ къ Прѣсенскимъ прудамъ, такъ что предъ нами не было провѣжей дороги, не видѣли всей тогдашней суматохи въ Москвѣ и не ожидали того горя, которое было такъ уже близко къ намъ. Погода въ этотъ день, съ утра до ночи, стояла теплая и ясная, на небѣ ни облачка, только съ утра было вѣтрено и даже пыльно по большимъ улицамъ, но не у насъ, жившихъ какъ бы на дачѣ. Вотъ мы уже и пообедали. Дядя по буднямъ обѣдывалъ рано, часу въ первомъ. Какой-то глухой шумъ сзади нашихъ домовъ, на Грузинской улицѣ, заставилъ насъ, съ братомъ Иваномъ, выйти туда и посмотреть, чтò тамъ такое происходитъ. Тянулся обозъ какого-то уланскаго полка; везли казенное имущество и раненыхъ; нѣкоторые изъ нихъ шли пѣшкомъ; помню одного улана съ разрубленною лѣвою щекой. Мундиры на уланахъ были съ желтыми отворотами; они, казалось, торопились и увѣряли, что Французы скоро будутъ въ Москвѣ. Мы передали объ этомъ своимъ.

Часу въ четвертомъ, послѣ обѣда, дядя нашъ, по теткѣ, Александръ Николаевичъ Лушихинъ (вступившій было въ Московское ополченіе, но оставшійся по какимъ-то обстоятельствамъ съ нами въ Москвѣ),

побѣжалъ верхомъ къ Драгомиловскому мосту, поразвѣдать что тамъ дѣлается; а мы съ братомъ, спустя нѣкоторое время, вышли на свой дворъ и занялись какою-то игрой, въ устройствѣ которой помогалъ намъ лдннъ деньщикъ, ратникъ, молодой малый, по имени Лаврентій. Въ приходской церкви по будничному благовѣстили къ вечернѣ.

Въ это самое время мы увидали дядю Лущикина, который возвращался домой, но уже пѣшкомъ, скорыми шагами, безъ сабли и эполетъ; видъ его былъ разстроенный, измученный; потъ градомъ лилъ съ лица его; увидавъ насъ, онъ издали еще закричалъ: „ну, дѣти! Французы уже въ Москвѣ!“ Братъ впередъ меня побѣжалъ въ комнаты, вызвалъ къ себѣ мать и по секрету передалъ ей слова дядины. Она не знала, вѣрить ли еще слышанному, какъ тутъ вошелъ въ комнаты и самъ дядя, и объявилъ при всемъ семействѣ, сидѣвшемъ за самоваромъ и пившемъ чай, что Французы уже въ Москвѣ и отняли у него лошадь, саблю, часы и эполеты.

Услышавъ эту страшную вѣсть, дѣдъ съ отчаяніемъ закричалъ матери: „ну, Оня! я погубилъ тебя и дѣтей твоихъ: спасайся, если можешь!“ Тогда началась страшная суматоха. Всѣ вскочили изъ-за чайнаго стола и кричали: „ѣхать, ѣхать, запрягайте поскорѣ лошадей!“ А на чемъ было ѣхать? У ляди Лушкина всего была одна телѣга, да пара лошадей. Пока запрягали лошадей и укладывались, я видѣлъ, какъ жильцы изъ дома матери моей бѣжали, куда глаза глядятъ; сборы ихъ были такъ игновсны, что они не успѣли взять

съ собой даже необходимыхъ вещей, а растерявшіеся и испуганные брали такія, которыя ни на что имъ были не надобны. Такъ, я самъ видѣлъ, что экономка нашего жильца тащила въ лѣвой рукѣ топоръ, и вѣроятно, не для обороны отъ неприятелей. Далѣе, помню, что благовѣстъ въ приходской нашей церкви вдругъ прервался, безъ обычнаго трезвона, потому что священникъ, вмѣсто того, чтобы идти въ церковь, принужденъ былъ, подобно нашимъ жильцамъ, бѣжать изъ Москвы къ своему семейству, куда-то еще прежде изъ нея выѣхавшему. Нянька моя, старушка Аграфена Петровна, недовольная ли медленною закладкою лошадей, или не думая, чтобы мы взяли ее съ собой, а вѣрнѣе всего отъ испуга, рѣшилась было тоже бѣжать и навязывалась въ спутницы къ нашему священнику; но тотъ рѣшительно отказалъ ей, сказавъ: „нѣтъ, свѣтъ, теперь всякому до себя: куда я тебя дѣну, а и самъ не знаю куда бѣгу.“

Но вотъ наконецъ запрягли дядину пару лошадей въ большую открытую телѣгу, усадили въ нее насъ малыхъ съ нянькой, туда же сѣли мать, тетка и еще кто могъ помѣститься, и пустились въ путь, по большой Грузинской улицѣ, къ Троицкой заставѣ, намѣреваясь пробраться на Владимірскую дорогу. За кучера былъ ратникъ Лаврентій. Дядя Луцкихинъ и прислуга шли около насъ пѣшкомъ. Но дѣлъ, не смотря ни на какія убѣжденія и на слезы матери, остался дома съ бабкой и съ храброю дѣвкой Аписьей. Дорого стояло матери моей разставаться съ отцомъ.... Живо помню эту раздирающую сцену. Мать всячески

убѣждала дѣда ѣхать: обнимала его, цѣловала его руки, стояла предъ нимъ на колѣнахъ; къ мольбамъ матери и всего семейства, мы съ братомъ присоединяли свои и упрасивали его по дѣтски: „дѣдушка поѣдете, миленькій, поѣдете!“ По примѣру матери, мы цѣловали его руки и обнимали колѣна. Физиономія дѣда (7), всегда спокойная и свѣтлая, въ эти минуты выражала глубокую скорбь; онъ плакалъ, но не соглашался оставить свой домъ и Москву. До сихъ поръ не могу себѣ объяснить причины такого упорства въ дѣдѣ; думаю только, по нѣкоторымъ соображеніямъ и по его рѣшительному характеру, что у него было какое нибудь патріотическое, тайное отъ насъ намѣреніе. Правда, онъ ждалъ къ себѣ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать (или такъ по крайней мѣрѣ говорилъ), одного давнишняго своего знакомаго, богатаго старика помѣщика, изъ Верейскаго уѣзда; но если тотъ не пріѣхалъ и до 2 сентября, то чего же было ждать (8)? Наконецъ, видя непреклонность дѣда, мать хотѣла остаться въ Москвѣ и рѣшалась отпустить насъ съ дядей и теткой; тогда дѣдъ, въ свою очередь, убѣждалъ мать ѣхать безъ него; оба плакали на взрыдъ, все семейство имъ вторило. Но эта сцена продолжалась не болѣе четверти часа: медлить было нельзя: враги находились не за горами; мать насильно вырвали изъ объятій дѣда, вывели подъ руки и усадили въ телѣгу....

Поѣхали мы, разумѣется, шагомъ; дѣдъ стоялъ у воротъ въ своемъ домашнемъ костюмѣ, черкесскомъ чекменѣ изъ темносѣренькаго сукна; его кудрявую, но не совсѣмъ еще сѣдую голову, покрывалъ бѣлый